

Готическая традиция в прозе Ларисы Рублевской

О.А. ЛИДЕНКОВА

Исследуются пути трансформации элементов готического романа, в частности, готического хронотопа в современном белорусском историческом романе на примере творчества Л. Рублевской. Новизна исследования заключается в рассмотрении значения основных элементов и способов пространственно-временной организации текста в тесной связи с жанровыми стратегиями и основной идеей произведения. Основное внимание уделяется изучению символических функций образов пространства и времени, а также их роли в отражении основных особенностей национального менталитета.

Ключевые слова: готический роман, хронотоп, менталитет, белорусский исторический роман, лабиринт, урбанизм.

The article explores the ways how certain elements of the Gothic novel, Gothic chronotope in particular, are transformed in the modern Belarusian historical novels by L. Rublevskaya. The novelty of the article lies in the attempt to interpret the representation of different configurations of time and space in the text closely in connection with genre strategies and the message of the work. The main attention is paid to the study of the symbolic implications of the gothic spatio-temporal images, as well as their role in the reflection of the national mentality.

Keywords: Gothic fiction, chronotope, mentality, Belarusian historical novel, labyrinth, urban Gothic

Готический роман, зародившийся во второй половине XVIII в., продолжает развиваться и трансформироваться, отражая творческие искания современных авторов. Неизбежное смешение в готической традиции детективной, мистической, любовной, религиозно-психологической составляющих (соответственно, и различных жанровых стратегий) органично вписывается в рамки постмодернистской парадигмы современной литературы. Более того, готическая традиция оказалась настолько востребована, что это дало основания исследователям назвать ее «всепроникающей», и причину подобного видят в ее способности резонировать с желаниями, страхами современного человека и всевозрастающей общественной тревожностью: «Like a malevolent virus, Gothic narratives have escaped the confines of literature and spread across disciplinary boundaries to infect all kinds of media, from fashion and advertising to the way contemporary events are constructed in mass culture» [1, с. 8].

В настоящее время произведения в стилистике готического романа обычно создаются в русле массовой литературы с акцентом на приключенческо-развлекательную сторону, что, к сожалению, иногда приводит к их неоднозначному восприятию или недооценке со стороны серьезных литературных критиков.

В современной белорусской литературе черты готической прозы, коллизии которой основаны на столкновении, причинно-следственных взаимоотношениях прошлого и настоящего, наиболее ярко проявляются в историческом романе, в частности, в творчестве Л. Рублевской. Для исследования взяты ее романы и повести «Сутарэнні Ромула», «Скокі смерці», «Пярсцёнак апошняга імператара», «Сэрца мармуровага анёла», «Золата забытых магіл».

Первое, что обращает на себя внимание в этих произведениях – характерное для готического канона присутствие и переплетение нескольких временных пластов. История страны «просвечивает», интерпретируется и воспринимается именно через личную и семейную историю. В центре повествования, как правило, оказывается канонический готический мотив родового проклятия, который может быть связан с реальным грехом или преступлением («Сутарэнні Ромула», «Сэрца мармуровага анёла», «Золата забытых магіл»), так и может заключаться в манкуртизме, передающемся из поколения в поколение случайным, а чаще намеренном уничтожении собственной исторической памяти, что неизбежно приводит к личностному кризису, нежизнеспособности, а также разительным, даже курьезным различиям между поколениями одной семьи: «сярэднявечную прынцэсу з сябе ўяўляем, а прадзед у НКУС служыў?» [2, с. 321] Демонстрируется, что без знания о своем роде формируется

неполноценная личность, лишенная чувства самодостаточности, принадлежности, легко поддающаяся влиянию и манипуляции: «Я думаю пра тое, што мы – аднадзёнкі, людзі сьвету аднаразовага посуду і аднаразовай культуры. Продкі, шматкроць болей вартыя за нас <...> А іх абылгалі і забылі» [3].

Мотив родового греха тесно сплетается с темой сиротства и искажения семейных ролей, что выражается через описание целых поколений матерей-одинок («Золата забытых магіл», «Сутарэнні Ромула», «Скокі смерці»). Обесценивание фигуры отца имеет не только разрушительное влияние на личную жизнь героинь (почти все они разведены и не умеют выстраивать отношения с мужчинами), но и важные духовные последствия. Образ отца тесно связан с архетипом Бога-Отца, и его негативное восприятие отражает кризис веры, отсутствие скрепляющего стержня нации.

Еще один важный готический мотив в текстах Л. Рублевской – мотив изоляции, выражающийся, в том числе, в одиночестве героев: «я падрыхтавалася да пажышчэвай самоты» [4, с. 77]. Центральными персонажами становятся люди, «не такие, как все»: несовременные «паненкі», повстанцы, идеалисты-изгнанники, добровольные отшельники, получающие характеристику «вар'ят», «дзівак». А так как в произведениях писательницы история и судьба народа представлены через историю семьи и личности, то борьба с одиночеством, поиск себя и своих корней (через детективный сюжет и расследование исторических тайн) становится путем к обретению понимания национальной идентичности.

По мнению А.Б. Трейси, готика всеми своими темами и проблематикой связана с попытками обрести семейные связи как способом организовать хаос вокруг себя: «the search for one's origins, identity, and family connections is certainly one of the commonest quests in Gothic fiction and may be seen as an attempt to impose order upon a chaotic environment» [5, с. 5]. В создании атмосферы потерянности, хаоса, изолированности большая роль отводится пространственно-временной организации текста, что является еще одной характерной чертой готического жанра: «Gothic is one of those rare genres (like the pastoral or the western) defined primarily by their settings» [6, с. 14]. Готический хронотоп прослеживается во всех рассмотренных произведениях и сочетает черты как классической, так и урбанистической готики.

Центральный и неизменный образ готических романов – замок – присутствует в текстах хотя бы условно, трансформируясь в соответствии с местными реалиями. Это может быть самый обычный, но изменивший судьбу героини «вузкі, як саркафаг, пакойчык» коммунальной квартиры с черным диваном и черным вороном, живущим на темных полках с книгами [4, с. 6]. Это и полуразрушенное имение («Золата забытых магіл»), средневековая подземная церковь-усыпальница, тюрьма НКВД («Сутарэнні Ромула»), дворец Людвисаров («Скокі смерці»). Иногда уподобление присутствует во внешнем облике строения: «княжацкі паляўнічы домік» выглядит как «мініяцюрная крэпасць са стылізаванымі абарончымі вежамі па кутах і вострым чарапічным дахам» [4, с. 81]. Сам владелец может воспринимать свою собственность именно как замок: «Я цяпер усё роўна што князь – замак маю! Юрась спадылба кінуў на сябрука скептычны позірк, і Аркадзь раздражнёна ўдакладніў: – Ну ня замак, ня замак... Вежу» [3].

Практически во всех произведениях «замок» – это готическое «проклятое место», место заключения, испытания и страданий, где герою грозит опасность или смерть, и откуда трудно выбраться. Так как действие в произведениях развивается одновременно и в прошлом, и в настоящем, у каждого из описанных поколений может быть свой «замок с привидениями». В романе «Скокі смерці» для средневековой героини это башня, которую «абыходзяць, як магілу вісельніка» [3]. Современные же герои – практически пленники в имении влиятельного олигарха, старинном дворце, последний владелец которого сошел с ума: «Ці не таму гэтыя таўшчэзныя сьцены працягваю вар'яцтвам, і нават з-пад сучаснай акрылавай фарбы нібыта цягне пахам плесні, буцьвення, застарэлага жаху і тугі?» [3]

Другие составляющие готического хронотопа также присутствуют во всех рассмотренных произведениях: холодные пустоши, заброшенные дома и кладбища, затерянные вдали от цивилизации городки, подземелья, скрытые переходы и тайники.

В описании сельских пейзажей доминируют образы руин, разрушающегося культурного наследия страны: «Княскі дом нагадваў арыстакрата, перавыхаванага рэвалюцыйным народам. Урачысты ганак з калонамі знік. Замест дахоўкі – звычайная бляха. <...> Вокны другога паверха забітыя дошкамі» [4, с. 81].

Преобладающая пора года – осень, часто на границе с зимой, что создает мрачную и гнетущую атмосферу постепенного умирания и одиночества: «Пошасьць прыйшла ў Старакежск з восеньскім ветрам, перавітым сівым павуціньнем, з горкім пахам верасу, і як павуцінкі бабінага лета, паляцелі лёсы ў невядомы вырай, пакідаючы жывым адчай збуць-велей лістоты» [3].

Действие обычно разворачивается в темное время суток либо на фоне ненастья, когда небо низко затянуто серыми облаками: «рэдактарка ляцела скрозь прыщемак, а ён імкліва згущаўся, быццам кісель з чарніц, які паставілі на агонь» [2, с. 373]. Солнечные лучи крайне редко появляются на страницах произведений, даже весной или летом в ключевые моменты повествования идет дождь. При этом особенностью героев писательницы является нелюбовь к зонтам: «Кастусь, сунуўшы рукі ў кішэні мокрай наскрозь джынсовой куртачкі, белазуба ўсміхаўся» [4, с. 37], «выглядае ён смешнавата <...> пінжак, абвіслы ад вады, доўгі чуб прыліп да лба» [2, с. 277], «стаіць няшчасны Артур, мокры, як вадзянік, на лесвічнай пляцоўцы» [7]. Учитывая некоторую внутреннюю незрелость и потерянность главных героев, подобная открытость для воздействия стихии может означать как поиск себя, стремление реализовать внутренний потенциал, так и «неотмирность», неприспособленность к жизни и идеализм. Например, в романе «Сутарэнні Ромула» именно на фоне дождя, «залевы» выписаны все сцены неосторожной прямооты или неуместной искренности Алеся Важевича, которые и привели его к гибели.

В стилистике урбанистической готики город, городские строения приобретают черты подземного царства мертвых, Гадеса, где асфальт – река Лета, мухи – вестницы Аида, кружащие стаи городских птиц – ожившие могильные кресты. Неявно, через секундные наваждения в сознании героя создается представление о современном обществе как собрании «мертвых душ», теней потустороннего мира, лишенных подлинной жизни: «Чамусьці ягонья мерныя рухі нагадалі мне Харона ў чоўне мерцвякоў» [4, с. 90]. Примечателен образ троллейбуса из романа «Скокі смерці»: «Я на хвілю ўявіла, што так можа выглядаць сучасны Харонаў транспарт. Вось прыпыніўся, каб прыняць у сябе новыя памерлыя душы» [3]. Когда же из города действие переносится в сельскую местность, герои попадают в Навье «Наўеўскі павет» – мир мертвых, на этот раз не с античными, а славянскими ассоциациями, где даже в лесу «кожная хмарка магла ператварыцца ў човен Харона» [4, с. 51].

Образы смерти связаны с мотивом становления личности (и обретением чувства национальной идентичности), когда, приняв и примирившись с прошлым, исправив ошибки, герой, наконец-то обретает себя, то есть из тени и призрака превращается в по-настоящему живого человека (что в тексте символически показывается как возвращение к любимой работе, творчеству и обретение семейного счастья). Кроме того, это отражение типичного для готического романа восприятия окружающего мира как лежащего во зле, мира после грехопадения: «The Gothic world is quintessentially the fallen world, the vision of fallen man, living in fear and alienation, haunted by images of his mythic expulsion» [5, с. 3]. Острая неудовлетворенность окружающей действительностью, ощущение ее ненормальности и поврежденности в произведениях Л. Рублевской проявляются на нескольких уровнях. Во-первых, это недовольство героев собой, своей внешностью (Винцэс из «Золата забытых магіл», Ася из «Сутарэнняў Ромула»), разочарованность в своих творческих способностях («Сэрца мармуровага анёла», «Золата забытых магіл», «Сутарэнні Ромула»).

Множественные описания руин обозначают сквозную тему распадающегося, деградирующего мира, общества и человека. Образы памятников истории, либо превращенных в недосмотренные музеи, либо «доразрушенных» кустарной реставрацией и евроремонтом, – символ разрушения истории, которая замалчивается, заменяется кичем, пропагандой, фальсифицируется: «Навошта паляўнічы дамок з вашай падачы зруйнавалі? – Гучнае слова – «паляўнічы дамок», – скрыўіўся Калантай. – Звычайны будан» [2, с. 359].

Лейтмотивом звучит тема осквернённого сакрального места, храма или кладбища, которые сначала переделываются «пад зерня-бульбасховішча» («Пярсцёнак апошняга імператара», «Сутарэнні Ромула»), а затем становятся пристанищем алкоголиков, бродяг и малолетних наркоманов: «Дзе могілкі мо тысячу гадоў – падземны гараж... Падлеткі чарапамі ў футбол гуляюць» [3]. Здесь постепенное падение мира показывается через переход от пищи духовной сначала к земному хлебу, а затем и к наркотической отраве.

Еще один пространственный готический образ – подземелье – словно отражает одну из черт национального менталитета: крайнюю обособленность, инертность и страх перед жизнью. Отсюда и образ «смоўжа», которому уподобляется герой: «Ася, прыйшоўшы на працу, усведамляла, што забылася надзець свае «цацкі», пачувалася, як пазбаўлены ракавінкі смоўжык» [2, с. 246]. Автор словно приглашает читателя спуститься вслед за героями в подземелья своей души, чтобы через перерождение выйти на свет, не заблудившись во внутреннем лабиринте: «І не абавязкова для гэтага трэба хавацца ў сваю ракавінку. У кожнай ракавінцы – гучыць мора» [3].

Только одно из рассмотренных произведений имеет подзаголовок «гатычны раман» («Скокі смерці»), однако многие канонические черты готической прозы в модифицированной форме присутствуют во всех рассмотренных текстах, если исходить из принципа восприятия мира, хронотопа, типа конфликта и образного ряда.

Готическая традиция органично входит в современный исторический роман Беларуси благодаря созвучию и актуальности своей проблематики: восстановление семейных связей и преемственности поколений, осознание себя и своей идентичности, поиск опоры и равновесия в хаотичном мире. Мотив родового проклятия символически напоминают читателю о духовных механизмах и законах, которые действуют на человеческие судьбы ничуть не менее явно, чем более привычные естественно-научные. Одновременно наглядно демонстрируется, насколько необходима опора на прошлое для построения настоящего, неслучайно именно современному герою дается шанс преодолеть грехи прошлого. Трудно найти более подходящий жанр для отражения тесного переплетения причинно-следственных нитей прошлого и настоящего, констатации проблемных моментов современности, корни которых – в ошибках отцов.

Мистические образы призраков, теней и загробного мира позволяют говорить о сложных метафизических судьбах людей и народа в целом.

Готический хронотоп словно отражает мировосприятие народа – отгороженность, склонность к изолированному индивидуалистичному сознанию, инертность и страх выйти из своей «раковины». Ментальность белорусского народа, погруженного в свои внутренние лабиринты, созвучна готическому мотиву блужданий в подземельях.

Готическая стилистика позволяет показать прошлое и настоящее в их неразрывной связи, противоречивости, не идеализируя темные, неприглядные страницы истории, значительно расширяет возможности художественного выражения автора, позволяет в иносказательной и развлекательной форме изобразить проблемы и страхи каждого нового поколения и размышлять над причинами и способами их преодоления

Литература

1. Spooner, C. Contemporary Gothic / C. Spooner. – Reaktion Books, 2006. – 174 p.
2. Рублеўская Л. Сутарэнні Ромула : раманы / Л. Рублеўская. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 520 с. – (Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў «Кнігарня пісьменніка» ; вып. 26).
3. Рублеўская, Л. Скокі смерці / Л. Рублеўская // Дзеяслоў [Электронный ресурс] . – 2005. – №18-19. – Режим доступа: <http://kamunikat.org/dziejaslou.html>. – Дата доступа: 15.11.2013.
4. Рублеўская, Л. Сэрца мармуровага анёла. Апавесці, апавяданні [Электронный ресурс] / Л. Рублеўская. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2003. – Режим доступа: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=14933. – Дата доступа: 08.12.2013.
5. Tracy, Ann B. The Gothic Novel 1790–1830: Plot Summaries and Index to Motifs / Ann B. Tracy. – Kentucky : The University Press of Kentucky, 1981. – 216 p.
6. Williams, A. Art of Darkness: A Poetics of Gothic / A. Williams. – University of Chicago Press, Apr 15, 1995. – 311 p.
7. Рублеўская, Л. Золата забытых магіл. Паралельны раман / Л. Рублеўская // Родныя вобразы [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://rv-blr.com/demo/all_glava/3773. – Дата доступа: 01.12.2013.